

РАСКАЗЫ

ДЕВУШКА, КОТОРАЯ НЕ ЛЮБИЛА КРАСНОЕ ПОЛУСЛАДКОЕ

...Она звонит и медовым, засахаренным, сладким до неприличия, знакомым, ненавистным, родным голоском говорит, что опаздывает, пока я приплясываю от холода возле памятника Александру Сергеичу и гоняю в плеере «You Can't Always Get What You Want» группы «Rolling Stones», самой балдежной группы на свете, по-моему. Она тоже от нее ташилась когда-то, когда встречалась со мной, а потом замутила с боксером по имени Саид, или Маджид, или Заур и со мной мутить перестала, такие дела.

На макушке Александра Сергеича — лихо заломленная снежная шапка. Ветер игриво треплет полы пальто, как платье Мэрилин в картине Билли Уайлдера, включили мы ее однажды, да и выключили почти сразу. Она тут же принялась ко мне приставать, и сами понимаете, чем все закончилось. Фильм, в общем, забросили, но загорелые ножки Мэрилин я непременно вспомню перед смертью.

Заметают проклятая вьюга Пушкинскую площадь и озябшую Москву и любовь нашу замела, стерва. Дальше протянутой руки ни черта не видно. Я ишу ее огненно-рыжее пальто в скользкой через дорогу толпе. Облепленные снежинками очки превращают окружающий мир в размытую голограмму.

Спускаюсь в переход, протираю тряпкой стекла и углубляюсь в подземелье. Чутко отогреться б, а то и сигаретку не зажечь, руки околели, чирк-чирк по зажигалке, а та не реагирует, хоть тресни. Дышу в ладони, тру их друг о друга, того и гляди, искорка выскочит, и внезапно невесомой пушинкой прилетает из полумрака «приветик». То она по несколько лет пропадает в экзотических странах, то между нами метр пространства.

— Приветик, старушка. Где пропадала?

— Я тебе махала с той стороны. А ты — ноль внимания. И трубку не берешь.

— В наушниках был, не слышал.

— Да я уж поняла. Здорово ты отплясывал.

— Это от холода, — бурчу я.

Типичная Настюха, сама опоздала, а теперь цирк устраивает, знала же, что я торчу тут, как подснежник, даже Александр Сергеич посматривает сочувственно с высоты бронзового постамента, а ей до лампочки. Отморозь я пальцы, она и тогда не постеснялась бы предъявить, что я не взял кретинскую трубку.

А все ж таки она хороша. Улыбается, и ямочки на щечках, разруганных морозом. В подземелье врывается ветер и яростно треплет ей волосы. В них сверкают и тают

Алексей Константинович Комаров родился в 1992 году в г. Коврове Владимирской области. Окончил исторический факультет МГУ им. Ломоносова (кафедра новой и новейшей истории Франции). С 2013 года публиковался в журнале «Rolling Stone Russia» сначала в качестве переводчика, а затем в качестве автора-кинокритика (по настоящее время). Также писал для журналов «Empire», «Hollywood Reporter», «Time Out», «Мир фантастики».

снежинки — жемчужные звездочки. А я вспоминаю, как засыпал, зарывшись в эту темно-шоколадную гриву, и целовал ее веки наутро, пока она тихо сопела во сне. Целовал с нежной робостью, боясь разбудить, но она все равно просыпалась, и безбрежное море синело в глазах ее, и я видел на дне его разноцветные камушки, резвящихся на мелководье крошечных крабов...

— Я замерзла. Зайдем куда-нибудь?

— Зайдем, конечно. Я заказал местечко в ресторане.

Она поворачивается, идет вперед. Надо же, пальто сменила. Сейчас оно розовое, как сладкая детская жвачка, а мне так безнадежно горько при мысли, что обтянутую этим пальто попку тискает другой везучий с...н сын.

— У меня мало времени, — говорит она.

Наш стол уютно накрыт скатеркой в красно-белую клетку. Над головой болтаются елочные игрушки-погремушки. Носатый официант плещет в бокалы рубиновое каберне. Маленькие злобные зверьки грызут мои внутренности.

— Часик-то посидим?

— Не могу. Прости. С одним человеком надо встретиться.

— С парнем?

Она задумчиво крутит в пальцах зубочистку.

— Бывшим.

— Зачем встречаться с бывшим?

— С тобой же встретила.

Тушэ. Твой язычок, крошка, острее бритвы.

— И все-таки?

— Он еще не в курсе, что он бывший.

— То есть ты пересечешься с пацаном и скажешь, что бросаешь его?

— Ага.

— Нормально.

— Мы ходили в клуб в субботу. И там был мой любовник. Я их познакомила. Сначала они сет шотов вдвоем выпили, потом в инстаграме задружились и сейчас прямо братья. Но он не знает, что мы любовники. Думает, я просто встретила приятеля. Мне показалось, я нехорошо поступаю. Двучично. Пора это прекращать. К тому же я давно его не люблю.

— Значит, второго любишь?

— Нет.

— А меня любила? Только честно.

— Кость, не начинай.

(А я тебя любил и люблю до сих пор, так сильно, как никто не полюбит.)

— Трудно сказать, что ли?

— Трудно. Не люблю ворошить прошлое.

— То есть я — прошлое?

— Хватит, ладно? Неприятно об этом говорить.

— Чего ж ты явилась, раз тебе со мной говорить неприятно?

— Не с тобой, а о твоих любовных страданиях.

— Конечно, на мои страдания ты плевать хотела.

— Да, хотела. Достало твое нытье. И ты достал. Думаешь, я не замечаю, как ты в моем дворе торчишь?

— Я скучаю.

— Перестань, пожалуйста. Я для этого и пришла сегодня. Прекрати свои преследования. Мой парень...

— Твой новый парень?

— Да, мой новый парень часто меня провожает. Если вы столкнетесь, будут проблемы.

— У тебя или у него?

— У тебя, Костя.

Я залпом хлопаю целый бокал.

— Насть, — начинаю осторожно, — слушай...

Она отпивает вина, кривится, с очаровательной брезгливостью промокает ротик салфеткой.

— Полусладкое.

(Давай начнем сначала.)

— Что?

— Красное полусладкое.

— Что — красное полусладкое?

— Кость. Я ненавижу красное полусладкое.

— Разве? Ты вроде сухое ненавидела.

— Сухое я люблю. А полусладкое не выношу. Ты даже такую мелочь не запомнил.

— Забыл, прости. Сумасшедший денек выдался. Замотался, все из головы вылетело.

Но остальное-то я помню.

— Неужели? Назови мой любимый фильм.

— «Завтрак у Тиффани».

— Не-а. Еще две попытки.

(Вспоминай, дуралей! Она фанатеет от Джонни Деппа и прошептала как-то раз, что запала на тебя из-за депповских скул, и губы ее были такими мягкими, мокрыми, с привкусом табака, кофе и фруктовой помады, а затем она скользнула языком тебе в рот и...)

— «Эд Вуд»?

— Мимо.

— Намекни!

— Сам думай.

— Тогда долбаный «Титаник», — выпаливаю наобум и, разумеется, попадаю впросак.

— Последний шанс. Когда мой день рождения?

Я уныло пялюсь на салфетку с вульгарно краснеющим отпечатком ее рта, а он ухмыляется мне в лицо. Шанс на что?

— В ноябре.

Она отшвыривает вилку и встает. Накидывает пальтишко, застегивается, кутается в шарф. Полосатый, пушистый, точно лесной зверек. Ласково обнимает ее за плечи, жмется к шее. Я страшно ревную даже к нему и поднимаюсь следом.

Опять подземелье. Метро. Эскалатор. Молча ползем вниз. Я бездумно тарашусь на плывущие мимо рекламные щиты. Раньше она всегда стояла выше, только так мой двухметровый рост не мешал нам целоваться. Теперь передо мной маячит ее затылок, а я отчаянно соображаю, что нужно сделать, чтобы через минуту не потерять ее навсегда.

— Настюш, — шепчу я.

Сейчас я скажу: не имеет значения, помню ли я ее любимый фильм. Зато я помню нашу первую ночь вместе — фляжку вискарика и крышу арбатской многоэтажки, где она отдалась мне среди мигающих дорожных огоньков и неумолкающего уличного гула, а я изрезал локти осколками стекла от бутылки, которую какой-то умник там расколотил. На следующий день, помню, мы кружились в ее комнате под «Strangers In The Night», а потом валялись на травке у пруда, и я мурлыкал ей Тома Уэйтса. Помню ее стоны, и крики, и плач, и хрустально звенящий смех помню тоже...

Она оборачивается.

Нет, ничего. Покачав головой, отвожу взгляд.

Эскалатор кончается. Сейчас передо мной предстанет ее экс-ухажер. Предел мечтаний — встреча со смазливим хлыщом в обтягивающих брючках и ботинках «Тимберленд». Почему-то мое воображение нарисовало именно такой облик Настинного кавалера.

Но она подходит к одиноко подпирающему стену коротышке с потрепанным томиком Кафки, и я вынужден наблюдать, как этот пухлый хоббит с глазами голодного пса жалобно клюет ее в щеку.

— Знакомьтесь, мальчики. Валерик — Костя. Костя — Валерик.

Валерик! Застрелиться и не встать. Хоббит часто моргает, гадает, союзник я ему или соперник. Будь спокоен, парень, — ни то, ни другое. Я выхожу из игры.

А пока я жму мягкую, влажную хоббичью лапку, похожую на щупальце осьминога, на меня накатывает приступ хохота. Я пытаюсь сдержаться, но смеховая истерика нарастает, распирает изнутри; я широко ухмыляюсь и начинаю гоготать. Хоббит испуганно отшатывается, Настя недоуменно вздымает бровь, решив, вероятно, что я спятил от горя, а я ржу, как полоумный, и чувствую себя превосходно.

Поезд подкрадывается с грохочущим скрежетом. Я захожу в вагон, продолжая хохотать. При виде ошарашенных лиц Насти с Валериком и настороженных физиономий пассажиров припадок накатывает с новой силой. Древняя бабка даже отсаживается подальше, когда я плюхаюсь рядом, нашариваю в кармане наушники и вытираю заплесневевшие в глазах слезы.

В плеере — Уоррен Зивон, «Hula Hula Boys». Девочка бросает мальчика и тусуется с серферами в пестрых шортах. Я представляю их в образе Патрика Суэйзи из фильма «На гребне волны», и горло непроизвольно раздирает комок осознания, что я обречен вечно пребывать на стороне этого мальчика, в лиге проигравших, а перебраться в команду серферов мне вряд ли суждено. Но не в этом ли заключается прелесть пребывания нашего в невыразимо прекрасном, пусть и свихнувшемся мире, куда жизнь однажды зашвырнула нас, не спросив разрешения? Я мечтал сорвать с неба звезду. Не достал. Но не забуду, как тянулся к ней. Прощай, вишенка. Не забывай и ты.

На следующей станции вваливается огромная тетка с худеньким парнишкой. Он встает коленками на сиденье и глазет в оконце поезда, за которым проносятся во тьме золотые кометы, и каждая несет на огненном хвосте волшебство удивительной мечты.

Тетка одергивает мальчонку. Он садится, как положено, и принимается болтать ногами, напевая под нос песенку из диснеевского мультлика. Наши взгляды встречаются. Мировой паренек, куртка на нем необъятная, и под ней еще свитер, а на шапочке нелепо растопыривает конечности Человек-паук.

Я подмигиваю ему. Он смотрит с опаской, думает небось: ох и чудной народ — эти взрослые! Не поймешь их. Но мой вид достаточно несуразен, чтобы он проникся ко мне доверием. Еще не потухли дурашливые смешки в глазах, и волосы торчат глупо, нелепо. Эй, малый, мы с тобой одного рода-племени, вдвоем против всех, неужели ты не протянешь мне руку?..

Я корчу рожу и подмигиваю другим глазом.

Толстая тетка неодобрительно косится на меня и углубляется в дамский роман.

А он — странное дело — подмигивает в ответ.

ОДИНОЧЕСТВО СТАРИКА В КОВБОЙСКИХ САПОГАХ

Все бродяги воображают, будто вышли на поиски чего-то. По крайней мере, вначале.

Джон Андайк. Кролик, беги

Это было самое спокойное утро в моей беспокойной жизни. Мартовское солнце робко заглянуло в окно и позолотило занавески. По двору еще растекались грязно-серые сугробы, но воздух возбужденно звенел радостным предвкушением весны.

Анютины волосы рассыпались по подушке. Недавно она покрасилась в ярко-розовый, как Натали Портман в кинофильме «Близость». Сначала я не мог отделаться от ощущения, что сижу за столом, сплю и гуляю с незнакомой девушкой. Но улыбалась она по-прежнему. Точно чертик выглядывал из заводной шкатулки. И глаза остались теми же. Темно-шоколадными, чуть удивленными. Глаза олененка. Солнце вспыхивало в них янтарными искорками.

— Доброе утро, милый, — прошептала она в полусне.

Голосок тихий, хриловатый. У большинства людей, когда они просыпаются, дурно пахнет изо рта, но от Анюты сладко веяло чем-то цветочным. Как от феи или эльфийской принцессы.

— Доброе утро, малышка.

Я приподнялся на локте и поцеловал ее. Возле кровати на подстилке из старого пледа дремал таксик Степан. Догадавшись, что мы проснулись, Степан тоже зашевелился, чихнул и принялся шумно вылизывать лапы.

Вставать не хотелось. Слишком уютно было лежать под одеялом, прижиматься к теплой Анютиной спине и безмятежно наблюдать за танцем пылинок в призрачном сиянии утра. Именно так, наверное, чувствуют себя младенцы, смирившись с появлением на свет. Высыхают слезы, стихают вопли, лежишь себе запеленатой мумией и мудрыми блестящими глазенками изучаешь темноту за решетками колыбельки. Зачем мысли, слова, эмоции? Абсолютная безмятежная гармония на заре мироздания. Время и то перестает существовать.

Степка запрыгнул на кровать и нетерпеливо уткнулся носом мне в щеку. Пора, стало быть, на прогулку.

— Собака просится гулять, — буркнул я.

— Ну и погуляй, — пробормотала Анюта.

— Я вчера два раза ходил, — попробовал сопротивляться я. — Твоя очередь.

— А я за тобой посуду мыла.

С Анютой невозможно препираться. Умеют эти девчонки манипулировать мужиками. Чуть попробуешь настоять на своем — щечки мигом алеют, глазки влажнеют, губки надуваются. Даже задуматься не успеваешь, где дал маху. А любые попытки заключить мировую разбиваются о ледяную волну молчания.

Справедливости ради замечу: к посуде Анюта прикасалась по большим праздникам. До тех пор гора невымытых чашек и ложек в раковине непрерывно росла и порой достигала устрашающих размеров. Однажды я намекнул, что не мешало бы капельку чаще обращать на эту гору внимание, а потом неделю восстанавливал коллекцию деревянных самолетиков, которые Анюта в приступе гнева расколотила о кафельный пол. Лучше уж дипломатично помалкивать и пользоваться одной тарелкой, чем провоцировать сожительниц на подобные всплески. Называйте меня подкаблучником — плевать! Мир в семье дороже. Я так считаю.

Проблема в том, что если мыть посуду и можно отложить до лучших времен, то Степке не скажешь: прости, браток, погуляю с тобой послезавтра. Он тут же начинает мстить.

Пошли мы как-то раз на стадион смотреть футбол. Потом завалились в паб, встретили приятелей... Глубокой ночью вернулись домой, разделись, плюхнулись на кровать и обнаружили, что на нее-то Степка и выплеснул негодование от вынужденного заточения в стенах квартиры. А в тапочках меня поджидали засохшие катышки. Нет бы нагадил на пол, если уж стало невтерпеж. Обязательно надо напакостить! Собак нельзя надолго оставлять одних. Да и женщин тоже.

В общем, натянул я джинсы, накинул куртку, шарф да шапку и отправился подышать воздухом на пару со Степаном. Мы не успели купить ему весенние обновки, и он четвертый месяц щеголял в рождественском свитерке с оленями, из-под которого упругим прутиком торчал хвост.

Я зашнуровывал ботинки, и вдруг Анюта подбежала ко мне, шлепая по полу босыми пятками, и чмокнула в губы.

— Чего это ты встать решила? — я еще немного сердился, но предательская улыбка выдала меня с потрохами.

— Чтобы сказать, как я тебя люблю, — пропела Анюта и затанцевала к ванной комнате, стянув на ходу футболку. Под футболкой ничего не было. Я сглотнул и хотел быстренько раздеться, но Степка жалобно заскулил и нетерпеливо натянул поводок. Я ругнулся и вывел собаку в коридор. Анюта включила душ. Шум воды отдавался в ушах, словно манящий гул океана в выброшенной на берег раковине.

На улице Степка отряхнулся, огляделся и потрусил привычным маршрутом. Обычно он направлялся к детской площадке, по тропинке огибал ее вдоль заборчика, флажировал между гаражами, где и поднимал лапку, после чего, заметно повеселев, несся обратно к подъезду. Весь процесс занимал минут пять. На саму площадку он не сошел после того, как стал невольным виновником моей разборки с одной психованной мамашей. Степка осмелился лизнуть ее малолетнего отпрыска, тот закатил истерику, мамаша бросилась на защиту сына, и в результате нам со Степкой крепко досталось зонтиком в цветочек. С того дня мы с Анютой строго запретили ему соваться за ограждение.

Но почему-то именно в это утро по воле таинственного собачьего чутья Степка деловито свернул с дорожки и устремился напрямик на площадку. Я задумчиво дымил сигареткой и не сразу сообразил, куда меня тащат, а когда спохватился, было уже поздно.

На лавке возле качелей сидел старик лет семидесяти в потертых джинсах, заправленных в высокие ковбойские сапоги. На худом лице с острыми скулами мягко пушилась серебристая борода. Длинные седые волосы, небрежно зачесанные назад, беспорядочными волнами падали на поношенный кожаный плащ. Рядом на лавке лежал туго набитый пакет из супермаркета «Билла», и не требовалось особой прозорливости, чтобы понять: в нем умещались все нехитрые пожитки старика. Иными словами, он мог бы показаться обычной бродягой, если бы не окружавшая его аура робкого интеллигентного благородства.

На локте плаща виднелась тщательно, ниточка к ниточке, пришитая заплатка, ногти на жестких мозолистых руках были аккуратно подстрижены, а сапоги, хоть и выглядели вдвое старше меня, едва ли не блестели. Исполосованное морщинами лицо без следа типичной для бездомных пьяной одутловатости излучало удивительную внутреннюю силу, а ясные голубые льдинки глаз ярко блестели на солнце. Весь облик его вызывал в памяти образы древних странников, разносивших по деревням и городам суровое, ласковое Божье слово.

— Степан! Не приставай! — прикрикнул я.

Собака с интересом обнюхивала сапоги и твякала, требуя внимания. Старик нагнулся и почесал Степку за ухом.

— Что вы, юноша. Он не пристаёт, а здороваётся. Вежливый!

Говорил он плавно и размеренно, старательно выговаривал слова и сильно «окал». Я нередко бывал в российской глубинке и очень любил слушать такую речь. Корявая и грубоватая, столичному жителю она представлялась дивной музыкой, дышала поэтическим уютом незапамятных времен.

— Послушайте, — произнес он вполголоса и неловко поднялся с лавки. — Неудобно вас просить, но... не найдется ли у вас мелочи? Сколько есть. Мне много не надо.

Признаться, попрошаек я не выносил. Никогда не знаешь, кому из них действительно нужна помощь, а кто обводит тебя вокруг пальца, лишь бы выклянчить на шкалик водки. Однако в просьбе незнакомца сквозила какая-то неувимая трогательность, печальная искренность. Казалось, он стыдился своей бедности, но в итоге смущение уступило место отчаянию. Он походил не на обычного алкоголика, а на человека, попавшего в беду. Я нашарил в заднем кармане двести рублей — все, что было с собой, кошелек-то остался дома.

— Да, конечно. Тут мало, но лучше, чем ничего.

Старик недоверчиво взял деньги. Словно боялся, что я отдерну руку и убегу. Но убежать я не собирался, поэтому старик бережно разгладил мятые бумажки и спрятал в передний карман плаща. Лицо его просветлело.

— Вот спасибо! Теперь на обед хватит. И на ужин останется.

Мы стояли друг напротив друга. Степка потерял интерес к сапогам и обследовал ближайшие сугробы. Развернуться и уйти мне показалось невежливым. Я сел на лавку и снова закурил. А поводок обвязал вокруг ножки, чтобы не мешал. Старик тоже присел и достал пачку «Гламура». Поймав мой удивленный взгляд, он улыбнулся краешком рта.

— Вообще-то я бросить хочу. А почему эти дамские курю — там никотина почти нет, — объяснил старик, неловко затягиваясь длинной изящной сигаретой. Он бережно сжимал ее большими сильными руками, будто боялся сломать. Мы помолчали.

— Вы куда не торопитесь? — спросил он.

Я подумал об Анюте, мокрой, разгоряченной после душа, и едва не бросился обратно домой. Но таким неприкаемым выглядел этот странный дедушка на детской площадке, что я пересилил зов плоти.

— Да нет, не тороплюсь.

— Хорошо. Раз уж мы заловились, зацепились, значит, языками... Можно вам вопрос задать? Уверен, что... Нет, нельзя так говорить.

— Вы о чем?

— Вы в Бога верите?

— Верю.

— А! Славно. И я верю. Больше, чем в самого себя. Благодаря ему я живу до сих пор. Хоть и на улице. Извините, вы, наверное, про меня думаете — шикарный видок, да?

— Стильный, ничего не скажешь.

— На все воля Божья. Образование у меня — семь классов. Потом школу бросил и решил с бабушкой жить. Пенсия у нее была — сорок пять рублей. Пришлось мне заняться тяжелым физическим трудом. С четырнадцати лет. Фамилия моя, кстати, Вагнер. Я наполовину немец. Но не фашист, сразу заявляю.

— Да я не думаю, что немцы поголовно фашисты...

— И правильно. Так вот. Смотрите, что происходит. Россия наша сейчас только за счет продажи существует. Нефти, газа...

— Ну да, ресурсов, — я притворился, что резкая смена направления разговора ничуть меня не смутила.

— Совершенно верно. На планете, по последним данным, больше семи миллиардов живет. Ученые подсчитали. И ресурсов хватит от силы на сто или двести лет. А дальше? Основную массу уничтожить? Ну и останутся два миллиарда. Сплошь толстосумы. Сидят на денежных мешках, как собаки на сене. Сам не съем и другому не дам. Но если остальных с лица земли стереть, кто этих чертей обслуживать будет? Россия — не дойная корова. Когда все закончится, что делать? Развиваем мы программу освоения космоса. Я в инопланетян не верю. Но те, кто верят, думают ли они, что те нам скажут, если мы к ним прилетим? Друзья, вашу планету вы изгадили, теперь прилетели нашу гадить? На фиг с пляжа! Я прав?

— До перелета на другую планету дело не скоро дойдет. Но если начнем переселяться, на новый ковчег далеко не все влезут.

— А добровольцы уже есть. Хоть сейчас готовы билет на Марс купить. Рыба с головы гниет. Мой отец так считал, и я считаю. Все, что происходит, оттуда идет, сверху, — старик загадочно ткнул пальцем куда-то в небеса. — И я не про Бога говорю. Земля тысячи лет вертелась вокруг своей оси. Не отклонялась. А климат изменился до неузнаваемости. Почему? Я знаю ответы на многие вопросы. Я расследование провел. Но есть маленькое «но»: один в поле не воин. Кто меня услышит? Поэтому я и хочу все в Интернет вылить. Пусть изучают. Хорошо, находятся такие, как вы, молодые. С людьми своего возраста я не общаюсь. Они или сумасшедшие, или коммунисты. Вы, кстати, голосовали?

— Нет, за кого тут голосовать. Графы «против всех» в бюллетенях не предусмотрено.

— А я раньше голосовал. Когда в квартире жил. Это сейчас я... бомж.

Старик нахмурился и потушил окурок о подошву сапога. Углубляться в жилищный вопрос ему явно не хотелось.

— Почему никто не понимает, что политикам обычные люди по барабану? Они туда ради наживы рвутся. Лозунг-то у них «власть для народа», но это понятие растяжимое. Чтобы народ ободрать как липку? Для этого власть? Я думаю, нужно нам объединиться и по-настоящему народное правительство создать. Можно я еще мнение выскажу? Вы не думаете, что гражданская война назревает?

— Да, пожалуй. Но будет не война красных против белых, а война всех против всех. Здесь в принципе нет победителей, одни проигравшие.

— Смотри-ка, какой вы умный, оказывается. Вам сколько лет? Двадцать два?

— Двадцать четыре.

— Хм, на два года ошибся. Ладно. Так о чем я? Да... Все, что они обещают, — ложь, гундеж и провокация. Черти они по жизни. Получал бы я зарплату в четыреста тыщ, я бы тоже штаны протирал, ничего не делал и ни о чем не думал. Однако я живу на улице. И Господь мне глаза открывает. Хоть Иисус, хоть Аллах, хоть Будда, Бог — он един. Всевышний.

— Как же вы на улице-то оказались? — спросил я осторожно.

— А как оно обычно бывает. Украли ключи, деньги, документы... Все, кроме головы. Я человек честный, верующий. Хвостом не кручу. Да, вынужден бродяжничать. А может, оно и к лучшему. Может, это Богу угодно. Вот запущу я расследование в Интернет...

— Послушайте, — мне вдруг захотелось сделать ему что-нибудь приятное, — не хотите в баре по пивку пропустить? Тут недалеко. Я угощаю. Только денег из дому захвачу. Там и побеседуем.

— По пивку? — задумчиво протянул старик. — Оно, конечно, можно. Но я ведь не любое пиво пью. Если быть точным, один сорт признаю.

Он извлек из пакета бутылку «Хольстена».

— В вашем баре он имеется?

— Не думаю. Но там есть «Гиннесс», «Белхавен»...

— Такое не употребляю. Я человек простой. Пью одну марку, мне хватает. Присоединитесь? Оно, конечно, нехорошо, на детской площадке, но раз уж мы с вами сидим здесь, не хочется куда-то уходить...

Я кивнул. Старик вытащил второй «Хольстен» и протянул мне. Отказ бы его обидел, поэтому я молча взял бутылку и свернул ей глоток. Мы чокнулись. Горький вкус холодного пива напомнил, что все происходило на самом деле, и старик, то ли святой, то ли безумный, тоже был реален.

— Знаете, в чем ошибка Иисуса Христа? В том, что он не таился. И открыто проповедовал народу, как надо жить. Это, дескать, белое, а это черное... Я не Иисус. Я анализирую ситуацию и держусь в подполье. Но не только для того, чтобы Россию спасти. Я спасу всю планету Земля.

Кажется, тут я скептически хмыкнул, скотина невоспитанная, от смущения сделал солидный глоток, поперхнулся и закашлялся. Старик сразу погрузстнел и окинул меня понимающим взглядом.

— Вот и весь сказ. Скажите еще, что я напился, — буркнул он.

— Нет, не скажу. Я вам верю. Правда, верю. Я не встречал таких, как вы.

— Таких болтунов? — усмехнулся он. — Да, пускай я болтун. Однажды даже президенту письмо накатал. Он мне, естественно, не ответил. Зато потом, когда я начну в Интернет материалы выкладывать, укажу, что обращался к нему, а он меня не услышал.

Мы пили. Степка продолжал копаться в сугробах. Над нами светило солнце, свистели птицы. Анюта уже наверняка помылась, вытерлась, высушила голову и расположилась на диване с чашкой ромашкового чая и томиком Ремарка.

— У меня нет никого, — неожиданно громким, страстным голосом продолжил старик. — Я один. И без оружия. Хотя человека могу убить легким щелчком. Но я давал присягу не применять свои навыки к мирному населению. Ты не бойся меня. Как звать-то тебя? Антон? Помнишь, фильм был — «Не бойся, я с тобой»? И ты, Антон, не бойся. Я тоже с тобой. И то, что я старый, не значит, что я бессилён. Да, я пью. Да, курю. Да, грешен. Но я не только за себя постою, но и за тех, кто рядом. Ладно, опять меня понесло... Надрался — веди себя прилично. Это мой отец говорил.

— А можно и я вам историю расскажу? — не знаю, что потянуло меня за язык, но откровенность старика вызвала меня на ответную откровенность. Не дожидаясь ответа, я продолжил: — Прошлым летом мы с мамой ездили в Суздаль. Гуляли по городу целый день, а под вечер вдруг пошел дождь. Зонтик мы не взяли и стали искать укрытие. Рядом — Покровский монастырь. Зашли мы туда и оказались в тесноватом полутемном помещении. Народу — почти никого, и тихо-тихо пели монашки. Даже не пели, скорее нараспев проговаривали псалмы, и каждое их слово слышалось удивительно отчетливо, будто они шептали тебе на ухо. Я подумал, что так, наверное, поют ангелы. Мама пошла ставить свечку, а я бродил вдоль стен и разглядывал иконы. Особенно меня поразила деревянная фигурка распятого Иисуса. Я стоял и смотрел на нее. Долго-долго. Монашки продолжали петь. И вдруг у меня из глаз хлынули слезы.

Я никому об этом не рассказывал. Ни маме, ни Анюте. Не уверен, что они смогли бы меня понять. Да если бы и смогли, я считал это воспоминание слишком сокровенным и хотел сохранить только для себя. И уж точно не представлял, что поделюсь им с первым встречным. Но в престарелом бездомном бродяге я обрел кого-то, кого искал бесконечно долго, искал и не мог найти. Деда, который покинул меня слишком рано.

Отца, которого я видел лишь раз. Просто старшего товарища... И я продолжил. Голос мой дрожал, язык от волнения плохо повиновался.

— Я не плакал, не всхлипывал... просто полились слезы. Не знаю почему. А мозг пронзила одна-единственная мысль. Что этот распятый на кресте человек, маленький, тощий — кожа да кости — и такой одинокий, умер за наши грехи. Умер ради нас. Вроде бы самая банальная мысль на свете, нам внушали ее с детства, а мы послушно кивали и делали вид, что понимаем. Но не понимали. А в тот момент я постиг эту истину всем сердцем. И впервые по-настоящему полюбил Иисуса. Полюбил так сильно и внешне, что больше не мог находиться в том месте. Я вышел на улицу и долго стоял под дождем. Это был какой-то знак? Благословение?

— Прозрение. Если я сейчас шкуры с себя снимаю, то тоже буду... нет, не говорю, что я Иисус Христос. Я в церковь не хожу. Ты Библию читал?

— Читал, но не полностью.

— А я прочел лишь раз, но от корки и до корки. И очень многое помню. Притча Соломонова... запомнил, первая или девятая... гласит: блажен муж, не посещающий собрания нечестивых. А что они туда, честивые ходят? Нагрешат, а потом идут зло замаливать? Мне в их ряды не затесаться. У меня свои понятия. По-моему, в мире существуют две категории людей. Одна живет для того, чтобы есть. А другая — вот как мы с тобой — ест для того чтобы жить. Я прав?

— Абсолютно.

— Как всегда! — старик засмеялся. — Ну, не как всегда... бывает, я и не прав... но если накосячу, то скажу: «Извините, я не прав». Но не у многих хватает духу признать вину. Ты допил?

— Да.

— Чтоб на меня завтра поклепов не было... давай уберу бутылку в урну. Просто меня отец так воспитал. Где живут, там не срут. А я... не то чтобы я здесь жил, но рядом бываю часто.

Старик встал. Встал и я тоже. Мы просидели на лавке примерно полчаса, по ощущениям же — гораздо дольше. Мне было жаль расставаться с ним, но подмерзший Степка просился домой. Там его ждала миска собачьих консервов и теплая подстилка. Меня — горячий кофе, яичница с беконом и Анюта. Моя Анюта. А старика не ждал никто.

Должно быть, невеселые мысли отразились на моем лице. Старик потрепал меня по плечу и улыбнулся. В его глазах безмятежно синела небесная лазурь.

— Рад был с тобой познакомиться. Наша встреча не случайна, помани мое слово. Не случайна.

Я кивнул. Мы медленно вышли с площадки. Я плелся к подъезду, старик брел рядом. Мимо вальяжно проплыла дама в гигантской шляпе с разноцветными перьями, обдав нас волной парфюма. Старик присвистнул.

— Ух, какая! Все бы за такую отдал. Кроме выходного дня и зарплаты.

Мы выкурили по последней сигаретке. Старик переминался с ноги на ногу и явно хотел что-то сказать напоследок, но не решался.

— Послушайте... послушай, Антон, — наконец собрался он с силами. — Ты же, чай, английским языком владеешь?

— Владею, — подтвердил я.

— Вероятно, мне потребуется твоя помощь, — старик заговорщицки перешел на шепот. — Если мое расследование здесь не опубликуют, я его за рубеж отправлю. В Америку. У меня там знакомые. Поможешь с переводом?

— Помогу, конечно. Но как же я узнаю, что нужно переводить?

— А давай-ка мы телефонами обменяемся, — старик вытащил из кармана крошечный кнопочный мобильничек. — Да, такой вот я бродяга, при плаще да при аппарате. Недурно устроился.

Я записал его номер. Он — мой. Мы договорились созвониться, как только материал будет готов. Я протянул руку, и старик крепко сжал мою ладонь.

— Жми крепче, Антон!

Наши взгляды встретились. Мы оба понимали, что больше не увидимся. Но никто не произнес это вслух. Старик подмигнул мне, взвалил на плечо пакет и медленно пошел прочь. Голые ветви деревьев прорезал солнечный луч, и седые волосы вспыхнули золотым блеском. Казалось, над головой старика сиял нимб. Я молча смотрел ему вслед. Каблуки ковбойских сапог звонко стучали по асфальту. Даже Степка перестал рваться с поводка, успокоился и тихо повизгивал, будто оплакивая что-то безвозвратно утерянное, чему нет возврата... А может, он просто проголодался.

Пару недель я ждал звонка от старика, хотя был уверен, что никаких разоблачений он не сделал и не существует ни расследования, ни секретных друзей в Штатах. Позднее я сам пробовал позвонить ему, но голос робота с холодной учтивостью вновь и вновь сообщал, что аппарат абонента выключен.

А потом Степка подцепил лишай, мы долго его выхаживали, успели раз сто перессориться, затем опять помириться, и в круговороте повседневной рутины я внезапно понял, что люблю Анюту больше жизни. Вскоре мы поженились и укатили в Париж в свадебное путешествие. В один из вечеров Анюта плохо себя чувствовала и осталась в отеле. Я же вооружился бутылочкой шардоне и пошел побродить по городу.

Вино быстро кончилось, и для поддержания бодрости духа мне пришлось сделать несколько коротких привалов за столиками уличных кафе. В каждом я выпивал рюмочку абсента и воображал себя кем-то вроде Бодлера или Мопассана. К вечеру я бесстыдно надрался и, шатаясь по набережной Сены, решил сфотографировать закат. Но едва я вынул из кармана телефон, он зазвонил. От неожиданности я разжал руку, и он свалился в воду. Достать его, разумеется, не удалось. Кто звонил — я тоже не заметил. Анюта решила, что это знак и теперь мы точно должны начать новую жизнь. Я согласился, и мы переехали из Москвы в Петербург, где Анюта стала рисовать картины для оформления баров, а я устроился работать сценаристом на одном дурацком сериале.

Сменил я и номер мобильного. Но часто думал с тех пор: вдруг именно в тот момент, когда я, в стельку пьяный, глупо таращился в лиловое парижское небо, мой седовласый друг закончил сенсационное расследование и решил меня об этом оповестить, чтобы я помог ему спасти мир? Вдруг он не справится без моей помощи? Вдруг я нужен ему? Или вдруг он... соскучился?

Хотя, скорее всего, звонили из химчистки. Я относил туда пальто, и нужно было его забрать. Зима приближалась, а пальто уже два года не чищено. Так не годится. Правда же?